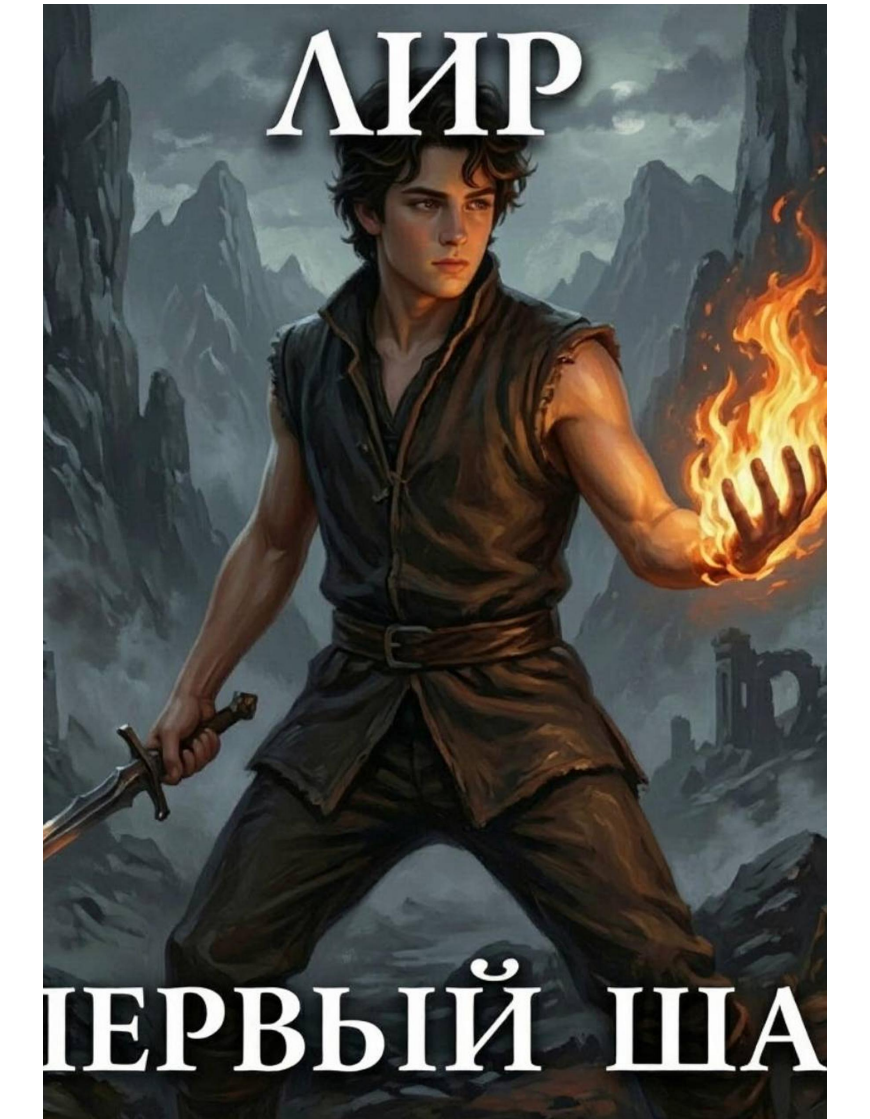

МИР

ПЕРВЫЙ ША

Олег Сергеев

Лир первый шаг

<https://litres.ru/74596073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он ступил на тропу духа, когда земля ещё дрожала от старых клятв. Каждый открытый узел силы — шаг ближе к вершине и к пропасти. В долине, где воздух густ от магии, а тени шепчут о древних народах, ему предстоит не просто выжить — а понять, чья воля ведёт его: своя или чужая

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Сергеев

Лир первый шаг

Глава 1

В мире двух лун царила ночь. Облака, плывущие по небу, прятали то одну луну — кроваво-красную, то другую — лазурно-синюю. Лишь изредка случалось так, что они вместе сверкали на небосводе. Но бывало и обратное: землю накрывала крошечная тьма.

На границе Королевства Девирии и провинции Божар, некогда входившей в Роданскую империю, тени скользили по небольшой долине. Посреди неё стояла огромная крепость — осколок старого мира, след былой мощи исчезнувшей империи. На стенах несла дозор стража, а командовал ею дежурный маг Борд.

Сейчас он сидел в караулке и читал письмо от сына. Сын писал, что его проверили на Дар — и он оказался одарённым. Но поехать учиться в этом году не сможет: болеет матушка. Борд читал строки письма снова и снова, чувствуя, как между радостью и гордостью за сына пробивается тяжелое чувство вины — он был так далеко, когда был нужнее всего. Он пытался убедить себя, что служба важна, что кто-то должен стоять на страже, но мысли возвращались домой,

к жене и сыну. Он перебирал в уме, кого бы попросить при-
смотреть за ними, но понимал: никого близкого не осталось.
Все были заняты, а Картен сейчас служил у лорда в тихуш-
никах. Внутри росла тревога, неотвязная и тяжелая, будто
предчувствие беды.

Борд решил выйти и лично проверить посты — возмож-
но, чтобы отвлечься от мыслей или найти среди ночной тьмы
хоть какую-то определенность. Едва он оказался снаружи,
как что-то прижали к его лицу. Судорожно вдохнув сладко-
ватый запах ленивицы — горной травки, растущей на скло-
нах, — он почувствовал, как сознание начинает уплывать.
Борд с отчаянием попытался поднять тревогу, метнуть вверх
заклинание огненного шара, но сил не хватило. Он лишь бес-
сильно пошатнулся и упал прямо в руки двух теней, стояв-
ших позади.

Лазутчицы Девирии знали своё дело — уже много лет под-
ряд в провинции Божар пропадали маги. В этот раз не по-
везло Борду. Мысль о семье, о том, что он так и не сумел
защитить их, жгла сильнее страха. Так и не успел он никого
попросить помочь, а теперь, после его исчезновения, и вовсе
некому будет это сделать.

Утро ударило по крепости не рассветом, а криком:
— Где он?! Куда пропал?! — сотник Вейл ворвался в ка-
раулку, будто хотел снести стены. — Сбежал, гад?! Продался
этим Девирийкам?!

Стражники жались к стенам, пряча глаза. Все и так знали:

Борд не из тех, кто бежит. У него сын, больная жена — куда он побежит? Но спорить с Вейлом никто не хотел: когда сотник заводится, лучше стоять тише воды.

— Ну?! — рявкнул Вейл, обводя взглядом застывших солдат. — Кто-нибудь видел, как он уходил? Или он просто растворился, как туман?!

Один из стражников, совсем молодой, едва слышно про-
бормотал:

— Он выходил проверить посты... и пропал.

Вейл резко развернулся, лицо пошло багровыми пятнами:

— «Пропал»! — передразнил он. — А потом ноги сделал! Пока я не получу доказательств обратного, для всех он — дезертир! И пусть магистры сами разбираются, куда делся их маг!

Тишина легла на караулку — тяжёлая, колючая. Молодой стражник сжал кулаки, но не стал спорить. Спорить сейчас — значит только подлить масла. Все знали: Борд не сбежал. Его забрали. Но кто и зачем — об этом пока никто не хотел думать вслух.

Вейл уже вышагивал к выходу, бормоча себе под нос:

— Сейчас напишу кому следует. Пусть знают, что у нас тут не крепость, а проходной двор.

Картен двигался к дому давнего друга, шагая осторожно, как человек, привыкший не оставлять следов. В груди теснилась тяжесть, с каждым шагом она только росла. Борд всегда был рядом в трудные дни, и Картен чувствовал, что обязан

ему слишком многим. Теперь же Борд исчез прямо из пограничной крепости во время дежурства. Никто ничего не видел, но начальник, сотник Вейл, тот самый, что вечно придирался и ненавидел Борда, поспешил обвинить его в измене и бегстве к Девирийкам. Грязная, двуличная скотина, с отвращением думал Картен. У Борда сын, красавица-жена, и та недавно слегла с магической лихорадкой. Лекарства стоят безумно дорого. Картен пытался гнать прочь подозрения, и сам доложил сюзерену, магистру Астору: Борд не мог сбежать. Все знали, куда исчезают маги, даже те, кто силён, как Борд — ночные пташки Девирик не оставляют следов. Теперь из-за Вейла семье Борда не видать пенсионера, пока не закончится разбирательство. Картен шёл, чувствуя вину и тревогу: кто, если не он, должен принести родным друга страшную весть?

Уставившись бессмысленным взглядом в стену, сидел молодой парень. Только вчера он похоронил мать, а сегодня, старый друг отца, принёс страшную весть. Пропал. Папа пропал. Исчез во время дежурства. Всем в провинции известно, куда пропадают маги. А эти скоты заявили, что он дезертир. В голове кружилась сотня мыслей. Ни сил ни желания жить не осталось, он встал и пошел на выход. Может в другой жизни будет лучше, - подумалось ему.

Лир шёл, не разбирая дороги, шаркая ногами по мокрой земле, пока город не остался позади, а тропинка не вывела его к обрыву. Здесь берег не был пологим и тихим — он об-

рывался вниз отвесной скалой, далеко внизу, река билась о камни, бурлила и пенилась, будто злилась на весь мир.

Ветер хлестал по лицу, трепал волосы, но Лир не чувствовал ни ветра, ни холода. Он подошёл к самому краю, где земля кончалась, и посмотрел вниз. Там, в этой бешеной воде, всё должно было закончиться. Он встал на самый край, где под подошвами уже не было земли, только острый камень и пустота. В голове стало вдруг удивительно тихо — ни мыслей, ни слов, ни криков. Только этот холодный воздух и шум воды далеко внизу.

Лир зажмурился, сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и тихо прошептал:

— Мама, я иду к тебе...

Кабинет магистра Астора пахнул старой кожей, пергаментом и горьким дымом от настольной лампы. Пламя подрагивало, будто в комнате тянуло сквозняком, хотя окна были закрыты наглухо. Картен остановился у порога, привычно не стуча: Астор терпеть не мог церемоний.

— Закрой дверь, — не поднимая глаз от бумаг, бросил магистр. Голос звучал ровно, но в нём уже звенела та самая нота, после которой начинались дела, от которых не отказывались.

Картен щёлкнул задвижкой. В коридоре мгновенно стало тише, будто крепость на секунду затаила дыхание.

— У лорда срочная потребность, — продолжил Астор, наконец поднимая взгляд. В его глазах не было ни сочувствия,

ни холода — только расчётливая усталость человека, которому приходится выбирать меньшее из зол. — Нужен одарённый юноша. Не старше семнадцати и не слишком юный, с проявленным даром, но без жёсткой привязки к школе. Желательно, чтобы был один, без сильной родни, которая начнёт качать права.

Картен почувствовал, как внутри что-то дёрнулось. Слова легли прямо на свежие мысли, будто кто-то подслушал.

— Один? — переспросил он, стараясь, чтобы голос не выдал ни напряжения, ни поспешности.

Астор чуть наклонил голову, словно оценивая, стоит ли объяснять.

— Да. Дело тонкое. Не боевое, но рискованное. Нам нужен тот, кого можно взять под крыло, не поднимая шума. Лорд не хочет привлекать внимание ни своих, ни чужих. Если родня начнёт требовать гарантий — всё сорвётся.

Картен кивнул, будто всё это укладывалось в привычные рамки. А в голове уже стояло другое: Лир. Тихий, упрямый, с даром, который мерцает, как сырой огонь. И сейчас, когда отец пропал, а мать умерла, у него действительно не осталось никого, кто мог бы «качать права».

— Есть кто-то на примете? — спросил Астор, снова склоняясь над бумагами. — Времени мало.

Картен помедлил ровно столько, чтобы это не выглядело как поспешность, и ответил:

— Есть. Сын Борда. Лир. Дар нестабильный, но настоя-

щий. И... он сейчас один.

Астор замер на секунду, будто имя Борда отозвалось в нём чем-то личным. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Пусть будет он. Приведи его сегодня.

— Сегодня? — повторил Картен. Он хотел сказать «он только что узнал про отца», но слова застряли где-то в горле, потому что он сам знал: откладывать нельзя. В таких делах «сегодня» означало «сейчас».

— Сегодня, — твёрдо повторил Астор. — И, Картен... — он наконец поднял глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на предупреждение. — Не обещай ему ничего. Скажи только, что дело особо важное, по личной просьбе Лорда. Запомни: именно просьбе не приказа!

Остальное — не наша забота.

Картен снова кивнул, хотя внутри всё сжалось. Он не собирался обещать. Но и не собирался оставлять парня одного. Но личная просьба это серьёзно.

Он развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь. Он почти побежал по коридорам, проталкиваясь сквозь снующих по делам магов и стражников, не отвечая на оклики, не замечая косых взглядов. К дому Борда — быстро, пока это предчувствие не превратилось в правду.

Дверь была приоткрыта. В доме стояла тишина, но не спокойная, а натянутая, звенящая — как перед грозой.

— Лир! — крикнул Картен, врываясь внутрь. — Лир, ты здесь?!

Никто не ответил. Дом был пуст. Только на столе остывал недопитый чай, а на спинке стула висела куртка — будто мальчик выскочил на минуту и вот-вот вернётся. Но Картен уже знал: он не вернётся.

Предчувствие стало реальностью.

Он вылетел из дома и бросился к реке, к тому самому обрыву, куда Лир ходил с отцом медитировать, чтобы пробудиться как одарённый. Тропа петляла, камни скользили под сапогами, но Картен не замедлялся.

Когда он добежал до края и глянул вниз, сердце на секунду остановилось.

Переливалась и мерцала чистая гладь воды. Если Лир здесь и был, то его больше нет. Сердце Картена сжалось от досады и негодования. За считанные недели исчезла счастливая семья, исчез лучший друг, погиб его сын. От злости на несправедливость он до боли сжал кулаки. Вонзив взгляд в ставшую ненавистной воду, он замер. Вода ответила ему. Картен был магом воды и воздуха, освоившим эти стихии на уровне мастера.

Поверхность реки вдруг взорвалась брызгами, и на поверхности появилась голова Лира. Картен, не раздумывая, использовал вербальный жест: юношу подхватил воздушно-водный поток, поднял над поверхностью и опустил рядом с ним. Паренёк закашлялся и стал отплёвывать воду.

— Живой, — облегчённо выдохнул Картен. — Спасибо тебе, Адалон, хоть я в тебя больше и не верю.

Он наложил на мальчишку среднее исцеление, затем поднял, перекинул через плечо, как добычу, и понёс обратно в опустевший дом.

Глава 2

Олег вернулся из Сочи и теперь бесился у подъезда, измеряя шагами тротуар. Шурик ещё десять минут назад сказал: «Выхожу», — и до сих пор не вышел.

Вчера вечером он примчался с курорта, где отдыхал по льготной путёвке. В первый же день Олег выполнил программу-минимум: в море искупался, выпил местного вина, сходил на дискотеку, «закадрил» девушку.

Когда в двухместном номере, после коньяка и моря, он занялся любовью с отдыхающей девицей, сосед по комнате спрятался под одеялом. Ноябрь, галька, вода ледяная — не лежишь, не расслабишься, а вести девицу куда-то ещё не было ни желания ни денег.

На следующий день сосед не выдержал и вызвал охрану. Девушку выпроводили. Олег за это предъявил претензию — та налилась красным и ярко засветилась под глазом соседа. В итоге он съехал, оставив апартаменты в личное пользование. Ещё одна маленькая победа.

— Да где ты, наконец?! — рывкнул Олег и рванул в подъезд, взлетел на второй этаж, увидел приоткрытую дверь и ворвался в квартиру.

Шурик сидел на пуфике, дрожащими пальцами пытаясь завязать шнурки.

— Ну ты чего так долго? Водка греется, — бросил Олег.

В коридоре было темно, и только сейчас он заметил: с другом что-то не так. Лицо осунулось, похудело, в тусклом свете из подъезда оно казалось бледным пятном. От крепкого парня, служившего в войсках дяди Васи, почти ничего не осталось.

— Может, ну её, эту улицу... У тебя посидим? — голос Олега вдруг стал тише, будто сам испугался своего прежнего напора.

— Да нет, справлюсь, — медленно, с усилием вставая, ответил Шурик. — Не слишком часто из дома выхожу. Хоть напоследок подышу свежим воздухом.

Лавочка была ледяной, будто из неё специально выстудили всё тепло. Олег сел, и холод тут же вцепился в спину, напомнил, что ноябрь — не про курортные сказки.

Шурик сел рядом, медленно, будто каждое движение стоило ему лишней секунды жизни. И тут Олег впервые по-настоящему его услышал: не слова, а тишину между ними. Ту самую, в которой не слышно обычного Сашкиного ворчания, шуток, тяжёлого, уверенного смеха. Вместо этого — только скрип лавочки и далёкий шум машин, который вдруг стал слишком громким, как будто город нарочно старался не дать им остаться наедине с этой тишиной.

Олег открыл бутылку. Пробка щёлкнула, и этот звук прозвучал неестественно громко, будто выстрел. Он налил в пластиковый стаканчик, протянул другу. Шурик покачал головой и стал рассказывать:

— Когда совсем немоготу стало, с женой доехали до больницы, — спокойно, буднично начал он, будто рассказывал, о какой-то ерунде. — Диагноз — рак желудка, четвёртая стадия. Метастазы пошли. Врачи руками развели.

Слова падали в эту тишину, как камни в колодезь: тяжёлые, гулкие, без возврата.

— Месяц, может, ещё протяну. Боли невыносимые, уколы уже не помогают. Завтра родственники опять хотят к какой-то бабке-знахарке везти. Я не верю. Фигня всё это, против рака ничего не поможет — закончил он так же ровно.

А Олег сидел и чувствовал, как у него внутри всё сжимается, становится маленьким и холодным.

Он не стал спрашивать, почему не пошёл к врачам раньше. И так понятно. Не баре по докторам бегать, надо работать, семью кормить. Всегда тянули до последнего: авось пронесёт. В этот раз не пронесло.

У Сашки оставалось двое детей: пацан, которому скоро семнадцать, и дочь — четырнадцати лет. Хорошо ещё, что дети почти выросли.

Слов у Олега не было. Только руки, которые наливали и наливали в свой стаканчик, будто пытались залить этот холод внутри.

Так они и просидели, пока жена не увела Сашку домой. Через три недели его не стало.

Невыносимая боль наконец-то ушла. Я не сразу осознал

это: уйти она могла только по одной причине. Я умер. Но почему я мыслю? Ведь если так, то значит, существую, а если умер, мыслю, существую, то что? Колесо Сансары? Или мой путь сейчас лежит в чьи-то чертоги. Не хотелось думать, что вниз. Хотя здесь, в неизвестно где, не было ни низа, ни верха. Было лишь крошечное Я. Такое маленькое, маленькое, оно двигалось, не двигалось, стояло, не стояло, было, не было. Может, это были последние мысли тающего сознания, но внезапно: свет пробил мрак, в лёгкие хлынула вода — нет, она не хлынула, она там была. А я, или не я, лежал на спине в каких-то водорослях и смотрел на светлое... что? Поверхность какого-то водоёма? Всем своим естеством я осознал, что, если продолжу просто смотреть, то вновь окажусь в тёмном ничто. А ещё я чувствовал медленно застывающее тело. Мозг отдал приказ, нейроны помчались. Вначале руки смогли оттолкнуться ото дна, затем ускорение придали ноги. Несколько гребков, задвигающих воду. Я не обращал внимания ни на боль судорог, ни на жжение в груди. Я стремился к свету. И голова, пробив поверхность, оказалась над водой. Не успел я подумать, что делать дальше, как выживать, меня подхватила незримая сила и подняла вверх. На берег, на котором я заметил какого-то мужика в странном наряде. Но это явно он спас меня. Вывернув желудок наизнанку, отрывая воду, я вновь почувствовал, как что-то незримое обволокло меня, а схлынув, оставило такую лёгкость, что я даже не понял, как потерял сознание. Лишь слышал перед этим:

«Ну что же ты, Лир, тебе жить надо. За отца, за мать. Живи, мальчик».

Картен принёс спящего Лира в дом, в его дом. Надо будет потом установить здесь защитный артефакт. Вдруг Лир вернётся когда-нибудь, — подумал маг, а на первое время охранного конструкта хватит. Картен сделал несколько пасов руками, закрутив магическую энергию, вырисовывая на внутренней стороне стены сложную руну. Как только конструкт был закончен, он моргнул светящимся силуэтом и впитался в стену. На поверхности остался только маленький круг. Теперь, влив в него Ману, можно будет подпитать руну, и она продолжит защищать дом и участок от незваных гостей. Он направил в Лира немного сырой энергии без стихийального окраса. Мальчик был одарённый, и это должно было взбодрить его. Он шумно втянул в себя воздух, открыл глаза и с удивлением уставился на старого друга своего отца. Картену стало неловко, ведь ещё недавно он рассказал парню, только что похоронившему мать, что отец исчез. Картен, конечно, не стал говорить Лиру, что начальник Борда обвинил того в дезертирстве. Ни к чему. А сейчас ему надо уговорить Лира отправиться по указанию Лорда. Куда только, он не знал. Слова застыли в горле.

Первым нарушил молчание Лир:— Где я? Кто я? Что случилось? Слова прозвучали тихо, но взорвались, как гром среди ясного неба. Картен с изумлением уставился на парня. Он слышал о людях, теряющих память, знал, что существуют

заклинания, стирающие воспоминания. В провинции есть несколько ментальных магов, способных на это. Не очень сильных, но даже они были страшными противниками. Из-за своих возможностей влиять на чужой разум все они находились в личной охране лорда. Очень мало кто знал их в лицо. И сейчас перед ним сидел совсем молодой, семнадцатилетний юноша, забывший обо всём. «Может, это и к лучшему», — подумал Картен, а вслух сказал:— Тебя зовут Лир. Ты сын моего друга, при проверке у тебя нашли способности обучаться магическим техникам. Теперь наш сюзерен вызывает тебя, чтобы поручить какое-то дело. Не спрашивай, какое, я не знаю. Пойдём со мной. Магистр Астор сам тебе всё расскажет.— А кто это? Магистр Астор? — спросил Лир.— Глава тайного ведомства, я в нём служу, — ответил Картен.— Угу, ясно, — сказал парень, но, судя по его виду, тот толком ничего не понял.— Пошли, — сказал маг, подошёл к калитке, дождался, пока Лир выйдет, закрыл её, активировав охранный конструкт.

Пришёл в себя неожиданно. Сразу ощутил, что лежу на чём-то мягком. Сквозь сомкнутые веки пробивался мягкий свет. Всё произошедшее помнил отлично. Даже последние слова неизвестного отпечатались в памяти — слова на незнакомом, но откуда-то теперь хорошо знакомом языке. Он хотел, чтобы я жил. Лир жил. Ведь, судя по всему, я теперь Лир.

Открыв глаза, снова увидел мужчину, желавшего мне жизни. Память Лира осталась, но как-то тускло — лишь самые яркие моменты его жизни. Это были печальные моменты. Теперь я понял, почему тот оказался в воде, а вот как мой разум занял это тело, я не знал. Подозреваю, никто в этом мире не знает. Возможно, что не только в этом. Теперь я уверен: миров множество.

Тянуть и играть в молчанку не стал — незачем.— Где я? Кто я? Что случилось? — спросил я у мужчины, которого хорошо помнила память ушедшего мальчишки.

Картен вкратце рассказал, кто я такой и что теперь должен делать. Было видно, что он испытывает неловкость. Но одновременно с этим его глаза заблестели, когда он решил, что Лир потерял память.

Мы вышли на улицу и пошли на центральную площадь города. Именно там располагалось поместье лорда Беретта, и там же находились все значимые ведомства провинции — такой город в городе, обнесённый невысокой стеной. Стража на воротах нас пропустила внутрь без вопросов. Только в знак уважения сделала лёгкие поклоны Картену, меня же просто окинули безразличными взглядами.

За воротами находилось караульное помещение, и сквозь открытое окно виднелся ещё один мужчина в лёгкой кольчуге, но без шлема. На его голове красовался зелёный берет, лихо заломленный вбок. Он ударил себя кулаком по левой стороне груди. Картен в ответ отзеркалил его жест.

Впереди виднелось главное здание, но в него мы не пошли. Петляя между разными постройками, обошли его слева и оказались возле неприметной двери, ведущей в двухэтажный дом. На крыльце стояла охрана из двух мужчин. На головах у них тоже были надеты береты, только чёрного цвета.

Поздоровавшись с Картенom как с хорошим знакомым, они спросили про меня:— Кто это с тобой?— Это Лир. Магистр ждёт его.

Они открыли дверь. Мы вошли и оказались в круглом зале, в котором было три двери, ведущие куда-то ещё. По центру за столом сидел старичок — на вид лет семидесяти — и читал какую-то книгу. Подняв взгляд, он посмотрел на меня сквозь кустистые брови и, кивнув в сторону одной из дверей, сказал:— Иди. Вас уже заждались.

Картен, ничего не сказав в ответ, повёл меня дальше. За следующей дверью располагалась комната с высокими потолками; вдоль стен стояли стеллажи — не то с книгами, не то с папками. В кресле сидел крупный мужчина со скучающим лицом человека, наделённого немалой властью.

— А, Картен, ну наконец-то. Привёл? Лир, кажется, да? — обратился он ко мне.— Да, ваша светлость, — ответил я ему.— Лир, милостью нашего лорда, мы решили отправить тебя в секретную магическую школу для обучения и инициации как мага. Готов ли ты к учёбе, а затем к службе на благо провинции Божар?— Готов, — ответил я. Другого ответа, судя по всему, не подразумевалось.— Вот и замечатель-

но. Хочу тебе вот что ещё сказать. Принято решение провести проверку в отношении сотника Вейла, бездоказательно обвинившего твоего отца. С него уже сняты все обвинения. И соболезную.— Спасибо, — пролепетал я, примерно понимая, кто такой этот Вейл.— Картен, подорожную возьмёшь у Бурша. Можете идти, — подвёл итог встречи Астор.

Я поклонился и вышел первым. Буршем оказался тот самый старичок, читавший книгу. Он отдал другу отца большой конверт, и мы покинули ведомство.

По дороге из поместья лорда Картен спросил:— Лир, ты что-нибудь припоминаешь из прошлого?— Да... смутно, — с небольшой задержкой ответил я. — Помню маму, отца. С ними что-то случилось, только не помню что. Знаю, что их больше нет. — На этих словах я замолчал.— Ты ещё совсем молод. У тебя впереди вся жизнь. Думаю, они хотели бы, чтобы ты стал магом — так же, как и они. Чтобы смело мог встречать любые опасности этого мира. Они всегда будут с тобой, пока ты их помнишь. Я верю, ты станешь сильным владеющим. Я сейчас размещу тебя в караване, едущем на восток. Там тебя встретят и проводят дальше.— Хорошо, дядя Картен, — назвал я его так, как всегда называл раньше.

Глава 3

Скрипели колёса, возы с товаром тащились через поля, леса. Пересекали реки. На одном возу в тюках с барахлом я и лежал, раглядывая чистое небо. Где-то по горизонту кучерявились облака, но над головой было чисто. Два дня безвылазно я просидел рядом с возницей и постепенно узнавал про мир, в котором оказался. То, что он магический я уже понял. А вот про всё остальное знаний не хватало. Вернее они были, остались ещё от Лира, но понимал он далеко не всё. Многое его и вовсе не интересовало. Оказалось что я попал не просто в магический мир, а в мир матриархальный. Боги здесь, это реальность. Только от всего пантеона богов, осталась только одна богиня. Она-то и правит миром, где-то у себя наверху. Где живут эти боги я не знаю. А внизу на земле всем заправляют жрицы. Только вот, осколок древней империи Роден, провинция Божар, почему то затерялась на краю земли. И только недавно, пару десятков лет назад, королева Девирии обратила на неё свой пристальный взор. До этого Лорду Божару двенадцатому, как то удавалось лавировать в паутине политики. Видимо скоро провинция станет очередным графством королевства. Особенно если учитывать, что никакой армии у лорда Божара не было. Была стража, были маги, были даже очень сильные маги, но этого, чтобы хотя бы не проиграть было недостаточно. Простой народ конечно

переживал, что скорее всего скоро власть поменяется, но не весь и не очень сильно. Да и не знали толком простые люди, как там живёт заграница. Провинция уже не одно столетие, являлась закрытым от остального мира островком. Здесь люди ещё жили, как учили далёкие предки. Воины почитали Тора. Кузнецы Вулканда. Пьяницы Бахуса. Многое конечно изменилось, прогресс потихоньку проникал и в Божар, но в основном здесь царило магическое средневековье. Глаш, так звали моего возницу многое не знал, ещё больше, о чём даже не догадывался. Он любил рассказывать, у какой служанки лучше зад, у какой больше грудь. Где хозяин разбавляет пиво, ну и всё остальное в этом духе.

Я спрыгнул с воза и пошёл рядом, скоро остановимся на ночёвку в придорожной таверне.

Глаш хлестнул поводьями, лошадь фыркнула и прибавила шагу. Я шёл разминая ноги, и разглядывал дорогу. Укатанная, но не столичная — колдобина на колдобине, кое-где здоровенные лужи, подсохшие коркой. Кусты по обочинам запылились так, будто их мукой обсыпали. Типичная глухомань. Даже здесь, на тракте, который по идее должен быть главной артерией провинции, чаще встречались крестьяне с навьюченными лошадьми, чем телеги с товаром.

Таверна объявилась за поворотом, как Глаш и обещал. Двухэтажная, бревенчатая, с облезлой вывеской: на ней кто-то когда-то старательно изобразил кружку и кабана, но от времени и непогоды кабан стал похож на корову с рогами,

а кружка — на миску. На крыльце дремал мужик с вилами, наполовину воткнутыми в перегной под ногами. То ли охранял, то ли просто сидеть было больше негде.

— Вот и слава богам, — Глаш потер спину и спрыгнул с козел. — Тут и заночуем. Хозяин, Крам, мужик свой, не обдерёт. Главное, баб его не трогать. Он ревнивый — до одури.

— А тут и бабы есть? — спросил я просто так, потому что молчать было тоскливо.

— У Крама-то? Ещё бы. Жена его, тёща и дочка. Дочка — мать честная, я тебе скажу... — и Глаш понесся. Про зад, про грудь, про то, как в прошлый раз дочка ему улыбнулась. Я слушал вполуха. Голова была занята другим. Я уже по сто раз передумал о прошлом, и решил что нет никакого смысла его ворошить. Пожелал счастья своим любимым жене и детям. И оставил прошлое другому миру. Теперь надо учиться жить по новому. По другим людским и магическим законам. А ещё я понял, что теперь я молодой парень с молодым телом. В котором полно гормонов и прочих прелестей подросткового периода. У меня даже прыщик на щеке вскочил.

Таверна внутри оказалась темнее, чем снаружи. По углам лениво светили пыльные магические светильники. Пахло кислым пивом, жареной свининой и почему-то влажной шерстью. За длинным столом сидели трое: двое мужиков в дорожной одежде и женщина. Женщина сидела отдельно, в углу, спиной к стене, и ела, не поднимая головы. На поясе у неё висел нож — не кухонный, а боевой, с потемневшей

рукою. Мужики на неё не смотрели. Совсем. Будто её не было.

— Это кто? — шепнул я Глашу, кивнув в угол.

Глаш скосился, побледнел и отвёл глаза.

— Магиня, — сказал он почти беззвучно. — Не лезь к ней. Вообще не смотри. Не дыши в её сторону. Понял?

Я понял. Вернее, понял, что Глаш боится её до пота на ладонях. И что в мире, где маги заправляют всем, лучше слушать таких, как Глаш. Он хоть и дурак, но дурак опытный, а это иногда ценнее, чем умный.

Крам, хозяин, оказался здоровенным бородачом с руками, как у медведя, и взглядом, как у кота: вроде добрый, а вроде и следит за каждым твоим движением. Он кивнул Глашу, как старому знакомцу, глянул на меня — без интереса, без враждебности, просто зафиксировал — и показал на стол у дальней стены.

— Сядете там. Комната нужна? Он посмотрел на меня, видно знал, что Глаш как обычно будет спать под телегой. - Койка, - сказал я. - Десять медяков, - раскрыл крам, свою большую, ладонь. Я насыпал туда меди и он довольный ушёл за стойку. Минут через двадцать принесли ужин. Обозников в зале становилось всё больше. По мере распития хмельных напитков, разговоры становились громче. Я не стал задерживаться и попросив показать мне койку отправился на боковую. В комнате было четыре спальных места, но кроме меня пока никого не было. Не раздеваясь я завалился спать,

закрыв глаза и стал засыпать. Сквозь сон я слышал, как пришли соседи. А потом меня разбудили. - Было ещё темно, я сильно хотел спать и тот кто тряс меня за плечо не мог никак добудиться. Я сел на кровати, пытаюсь прийти в сознание, тут по телу пробежал знакомый холодок. Совсем недавно, едва я появился в этом мире, так приводил меня в чувство Картен. Ощувив прилив бодрости, в полумраке комнаты я узнал ту троицу, сидевшую за отдельным столиком. Прямо передо мной стояла женщина, с ножом на поясе. - Здравствуй Лир, - сказала она. - Тени уходят в полночь. Я вспомнил, что именно эти слова, говорил Картен перед расставанием. Сказав, что тот кто произнесёт их, поведёт дальше. Но я думал, что вначале доеду до конца маршрута, а уже потом отправлюсь куда-то ещё. — Собирайся. Быстро, — бросила она, но тут же чуть смягчила тон, будто вспомнила, что перед ней обычный мальчишка. — Не тяни, Лир.

Я слез с койки, сунул ноги в сапоги, накинул куртку. Двое мужчин — те самые, что сидели за столом, — уже стояли у двери. Один — рыжий, с россыпью веснушек на широком лице, другой — худой, тёмный, с тонким шрамом через бровь.

Рыжий, Гвенд, поймал мой взгляд и подмигнул. Торн, тот, что со шрамом, хмыкнул и качнул головой в сторону выхода.

Мы спустились через чёрный ход. Во дворе, за коновязью, стояли четыре лошади. Ночь была безлунной, но глаза уже привыкли, и я различал силуэты: тёмные холки, пар из нозд-

рей, тихое переступание копыт.

Сильв легко взлетела в седло. Рыжий и Торн — тоже. Четвёртая лошадь была оставлена мне.

Я подошёл, похлопал её по шее. Она фыркнула, будто зная, что я далёк от верховой езды, и была заранее недовольна.

Взобраться получилось с третьей попытки. Первый раз нога соскользнула, второй — я зацепился штанами за луку седла и чуть не рухнул. На третий раз кое-как получилось.

— Ну-ка, давай, не роняй достоинство, — шепнул Гвенд.

Я кивнул. Торн закатил глаза.

Лошадь подо мной переступила, и я вцепился в поводья.

— Тише, тише, — пробормотал я, больше себе, чем ей.

— Двинешься когда-нибудь? — спросила Сильв, не оборачиваясь. Голос у неё уже не был ледяным — скорее усталым и чуть насмешливым. — Или мы тут до рассвета простоим?

— Двинусь, — пообещал я, чувствуя, как горят уши.

И мы поехали.

С тракта свернули почти сразу — через пару вёрст, у развилки с покосившимся каменным столбом. Сильв свернула направо, на узкую грунтовую дорогу, и остальные потянулись за ней. Я ехал следом, а остальные — за мной.

Трясло так, что к рассвету, казалось, у меня отвалится всё, что может отвалиться. Каждая мышца, о существовании которой я раньше не подозревал, теперь ныла и требовала, чтобы я слез и больше никогда не садился на это орудие пытки

с гривой. Лошадь, кажется, тоже была не в восторге от моей поездки: то и дело косила на меня глазом, будто прикидывая, не сбросить ли нафиг.

К рассвету мы выехали на пологий холм, и Сильв впервые остановилась. Оглядела всех, посмотрела на меня — на моё лицо, видимо, говорящее всё без слов, — и чуть усмехнулась.

— Спешимся. Коням нужен отдых, — сказала она уже мягче. — И тебе, судя по всему, тоже.

Я сполз с лошади и рухнул в траву. Гвенд тут же бросил мне флягу. Вода оказалась холодной, с привкусом железа, и я выпил чуть не до дна.

— Я Гвенд, — представился рыжий, присаживаясь рядом. — Если вдруг понадобится кто-то, кто будет болтать, чтобы ты не думал, что едешь с каменными истуканами.

— Торн, — кивнул худой со шрамом, оставаясь в седле.

Сильв присела на корточки, подтянула подпругу у своей лошади, потом покосилась на меня.

— Можешь звать меня Сильв.

Она сделала пас рукой, и меня опять обдало холодком. Стало гораздо легче, особенно между ног. Чувствую, если б не она, ходить мне в раскоряку.

— Пять минут, и едем дальше, — коротко бросила она.

Дорога тянулась, будто нарочно цепляясь колдобинами за колёса невидимых повозок, которых тут отродясь не было. Два дня — и правда не так уж много, но для меня, впервые в

жизни намертво вцепившегося в поводья, они тянулись вечно.

Сильв пару раз замедляла шаг, дожидалась, пока мы подтянемся.

И снова уезжала вперёд: она привыкла быть первой.

К концу второго дня небо затянуло серой дымкой, и даже солнце стало каким-то тусклым, будто его прикрыли тонкой тканью. Воздух потяжелел, пахло сырой землёй и мокрой листвой — лес подбирался ближе.

— Вон там, за тем холмом, деревня, — сказала Сильв, когда мы взобрались на очередной пригорок. — В ней будем ждать один обоз, дальше уже поедешь с ним.

Внизу, в ложбинке, притулились серые крыши. Дымок из труб поднимался прямо вверх, не рассеиваясь. У околицы виднелся небольшой постоялый двор с навесом для лошадей и парой коновязей.

Когда мы спустились, навстречу вышел хозяин — крепкий мужик с обветренным лицом и взглядом, который сразу оценивал, сколько монет у тебя в кармане и хватит ли их на сено. Сильв коротко переговорила с ним, отдала несколько монет, и мужик, кивнув, повёл лошадей под навес.

Мы стояли у коновязи, и я впервые за два дня почувствовал, как земля не качается под ногами. Ноги будто забыли, что умеют стоять ровно, и слегка подрагивали.

— Ну вот, — Гвенд хлопнул меня по плечу, и я чуть не покачнулся. — Теперь ты всадник. Недельку, другую и смо-

жешь галопом нормально скакать. Я чуть не поперхнулся. Один раз моя лошадь понеслась в галоп, а я вцепившись в неё, сжал колени, и выпучил глаза. Как не улетел, сам не знаю. Больше пробовать такую езду желания не было. Задницу тогда отбил знатно. После лёгкого перекуса, я отправился спать на сеновал.

Глава 4

Снилось что-то очень хорошее, что-то тёплое, будто сама ночь — тёмная, пахнущая сеном — подкрадывалась ко мне, обещая сладкое. Что-то эротическое — мой молодой организм уже хотел, а сейчас даже требовал, не понимая границ между сном и явью, между желанием и почти физической осязаемостью, ласки. Ещё не открыв глаз, я почувствовал, как чья-то ладонь нежно скользит по моей щеке, задерживается у подбородка, а потом, будто невзначай, позволяет себе спуститься пониже, к шее, к ключице, к груди. Тёплая, осторожная, но настойчивая — ладонь гуляла по моему телу.

На сеновале царил полумрак, мягкий и густой, как свежее молоко, сквозь щели меж досками пробивался слабый свет рассвета, но даже в этом неуверенном освещении я сразу понял: эту женщину вижу впервые. Она была моложе, чем я ожидал, лет двадцати пяти, не больше. Симпатичная — черты лица мягкие, скулы нежно розовые, глаза — большие, внимательные, в них читалась смесь лукавства и какой-то печали. На ней был лёгкий, едва заметно прозрачный сарафанчик, в котором её зрелая, округлая грудь едва держалась наперти, так и норовя выскользнуть наружу из-за неосторожного движения или вздоха. Длинные, густые каштановые волосы волнами спускались по плечам, улавливая в себе лучики света и запах сена.

— Проснулся, красавчик? — услышал я, когда открыл глаза и встретился взглядом с этой незнакомкой. Её голос был чуть хриловат, игрив, но в нём звучала забота. — Я тебе молочка с булочками принесла, — добавила она, показывая нехитрый завтрак на глиняной тарелке, словно это был самый драгоценный дар.

Я быстро сел, сбитый с толку, ноги запутались в сене, штаны оказались почему-то чуть приспущены, что только усилило смятение. Я поспешно подтянул их, застёгивая ремень, и невольно отодвинулся, стараясь вернуть себе хоть какую-то уверенность.

Но она не дала мне уйти. Напротив, подалась ближе, так что между нами почти не осталось пространства. От её кожи исходило тепло, а аромат — тёплый хлеб, молоко и что-то ещё, неуловимое, глубоко женское, томное, от которого у меня слегка закружилась голова. Её рука легла мне на колено, пальцы уверенно, чуть властно сжались, посылая по телу дрожь.

— Ты не бойся, — тихо сказала она, глядя в глаза. Её взгляд был открытым, искренним, но в нём плескалась странная, тревожная глубина. — Я тебя не съем. Хотя... — тут уголки её губ чуть приподнялись, в улыбке заиграла иголочка озорства, и в этой улыбке было столько намёков, столько обещаний и тоски, что у меня пересохло во рту. — Может, и съем немного.

— Послушай, ... — начал я, пытаюсь как-то взять себя в

руки, но она мягко, но решительно прижала палец к моим губам, не давая продолжить.

— Тише, — её голос стал чуть глуше, почти заговорщицким шёпотом. — Нас никто не услышит. Хозяин внизу, на кухне гремит посудой. А мне... — тут её взгляд вдруг ушёл в сторону, и голос изменился, стал хрупким, надломленным, словно в нём разом проснулись все ночные страхи и одиночество. — Мне так холодно одной. Три года уже... Муж ушёл в лес и не вернулся. Зверь его... — она не договорила, только сглотнула, едва заметно дрогнув. — А ты живой. Тёплый. Молодой. И я тоже... — снова посмотрела на меня, и в её глазах стояла такая невыразимая тоска, что все мои внутренние отговорки — «я не могу», «мне пора», «это неправильно» — вдруг показались мелкими, ничтожными, не стоящими ничего на фоне её боли и одиночества.

Я пытался сопротивляться. Честно, пару секунд — может, три. Внутри всё спорило: разум отступал, а тело, разгорячённое, жаждущее, не желало слушаться. Потом природа взяла своё, и я перестал изображать столб, позволяя себе забыть обо всём на свете хотя бы на этот миг.

Через час с сеновала сползла довольная вдова, поправляя на ходу сарафан и прикрывая улыбку ладонью. Её каштановые волосы были растрёпаны, щёки горели, и шла она так, будто заново научилась ходить. Я видел это в щель между досками — и сам не знал, то ли мне стыдно, то ли, наоборот, приятно, что хоть кого-то в этом мире сделал счастливее.

А чуть позже спустился и я — взлохмаченный, с сеном в волосах и выражением лица человека, который очень доволен, как кот объевшийся сметаны.

Сильв стояла у коновязи, скрестив руки на груди, и смотрела на меня так, что вопрос «чем это ты тут занимался?» даже не нужно было задавать. Всё было написано на моём лице. И в волосах. И на вороте куртки, который я зачемто застегнул не на ту пуговицу.

Гвенд хрюкнул, отвернулся и сделал вид, что проверяет подпругу. Торн даже не повёл бровью — ему, похоже, было всё равно.

— Выспался? — спросила Сильв ровным тоном.

— Чудесно, — сказал я.

— Чудесно, — повторила она, и в её голосе не было ни злости, ни насмешки. - Перцу тебе бы съесть, а то такой довольнo рожей смущаешь нас. Как бы мои brave ребята по твоим следам не убежали.

Она окинула взглядом Гвенда, тот сделал честнейший вид. Пряма сама невинность. Сильв хмыкнула. Пошли на площадь, там сейчас тебя проверят и поедешь со своими будущими соучениками.

Мы оставив лошадей пошли пешком на деревенскую площадь.

На пяточке перед домом старосты, который одновременно служил и деревенской площадью — там порой гуляли празд-

ники, — собрались все ветканцы. Деревня называлась Веткино.

Ещё вчера староста объявил, что приедут городские и будут проверять на дар, причём только юношей старше шестнадцати. Многие заволновались: особенно те у кого мог быть ребёнок с магической искрой, но меньше возрастом. Таких староста успокоил: всех остальных проверят как обычно — на празднике урожая.

Любое, а особенно такое событие в деревне, — повод устроить выходной. Тем более никто и не надеялся, что кого-то найдут. Юноши нужного возраста в Веткино были, но обычно магические способности проявлялись раньше — или не проявлялись вовсе.

Все пришли нарядные, повсюду слышались смех и шутки. Наконец перед домом появилась очень красивая девушка с бирюзовыми волосами, заплетёнными в две косички: которые ложились на грудь. Выглядела она лет на двадцать, но по сверкающему цвету глаз все понимали — это магиня. Ей могло быть и сто, и больше.

Все прекрасно знали: чем сильнее маг, тем длиннее его жизнь — если, конечно, не убьют. Но убивать такую красоту каждый посчитал бы кощунством.

Народ стал затихать. Вперёд протискивались парни нужного возраста. Они подходили к магине, и та клала руку на солнечное сплетение. Когда желающих подойти почти не осталось, Сильв подтолкнула Лира и тихо сказала:— Иди.

И он пошёл. Неспешно шагая к проверяющей, Лир подгадал так, что оказался перед ней как раз в тот миг, когда отошёл последний претендент из деревни.

Магиня приложила руку к груди Лира и почти сразу сказала:— Иди за дом, что за моей спиной. Садись с ребятами вместе.

Лир не стал переспрашивать, с какими именно ребятами, — просто прошёл и увидел обоз из пяти телег. На одной сидели два парня, на трёх — девушки, а одна оставалась свободной. Возниц нигде не было: видно, ребята сами управляли транспортом. Вместо лошадей, были впряжены большие рогато-мохнатые волы.

От деревенской площади доносился шум — народ собирался праздновать. «Нашли у них одарённого? Нашли. А то, что он не из их деревни, — дело десятое».

Подошла магиня Жизни, а следом — Сильв с Гвендом и Торном.

— Всё, Лир. Здесь мы прощаемся. Мы своё дело сделали: куда надо доставили, — сказала Сильв.

— Удачи тебе, парень, — кивнул Гвенд, а Торн просто молча склонил голову.

Троица его недолгих попутчиков развернулась и пошла обратно к таверне, где стояли их лошади.

Всё это время стоявшая чуть в стороне магиня молчала. Теперь она обратилась к Лиру чистым, как ручей, голосом: — Ну, здравствуй, Лир. Добро пожаловать в нашу друж-

ную компанию. Меня зовут Лилит, а со всеми остальными ты познакомишься в пути.

Она показала на телегу с ребятами, и Лир забрался к ним. Парни посмотрели на него, оценивая взглядами. С трёх других телег на него с любопытством поглядывали девушки.

Лилит уселась на последнюю, пока пустую телегу. И караван не спеша тронулся в путь.

Лилит ехала неспешно, расслабленно покачиваясь на лавке. Тянули телеги не лошади, а лохматые волы — огромные, упрямые, с медленно покачивающимися головами. Их изогнутые рога выглядели опасно: если проткнут — насквозь, без шансов. Шерсть у волов была спутанная, густая, в комьях грязи и колючках — следы долгой дороги по ухабам и лесам. Эти могучие животные давно привыкли к ярму: они терпеливо волокли груз, не сбавляя шага ни в вязких лужах, ни на скользких камнях. В отличие от нервных лошадей, волы не пугались даже грозных рыков диких зверей, что могли встретиться на пути через восточный лес.

Магиня сидела ровно, спина прямая, взгляд устремлён вперёд — но этот взгляд ничего не упускал. Она замечала каждое движение, каждую тень между деревьями, каждого зверя, что следил за караваном из-под прикрытия ветвей. Чуть в стороне, в тени, бесшумно скользила охрана: вооружённые люди шли по обочинам, оберегая телегу и её пассажиров.

Лилит чувствовала даже больше, чем видела. Она знала,

что у двух девушек, сидящих позади, началась кровь. Как мастер стихии жизни, она ощущала биение сердец, приливы и отливы жизненных сил. Вода подчинялась ей чуть хуже, ветер — совсем слабо, но и его шёпот был ей знаком.

Оглянувшись через плечо, Лилит увидела, как две девушки увлечённо рассказывают новичку о предстоящем пути, тихо смеются, делятся историями. В их голосах слышались нервозность и нетерпение. Сама Лилит устала от дороги, от однообразия дней и ночей, слившихся в бесконечное путешествие. Но лицо её оставалось спокойным, лишённым лиш-них эмоций. Уже несколько месяцев она колесила по деревням провинции, выискивая нужных одарённых.

С девушками, казалось бы, проблем быть не должно: в этом мире их рождалось больше, и магическая искра у них встречалась чаще. Но требовались не просто молодые, а ещё и невинные. Найти такую в шестнадцать-семнадцать лет, да ещё и в деревне, было почти невозможно. А нужна была не просто девственница, а одарённая. Хорошо, что к парням таких требований не предъявляли — с учётом провинциальных нравов это стало бы вовсе невыполнимой задачей.

Но Лилит справилась — с упрямством, терпением и чувством, которое редко её подводило. Не хватало лишь одного парня, и вот сегодня его наконец привезли. Скоро она сможет отдохнуть от этой ставшей ненавистной телеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.